

Фрида Вигдорова

Девочки (дневник матери)

**Публикацию
подготовила
А. Раскина.**

*Продолжение.
Начало в № 8–12
за 2010 год
и № 1 за 2011 год*

**Гале Кулаковской 9 лет 8 с половиной месяцев,
Саше Раскиной 4 года 7 месяцев.
9 декабря 46.**

Галя, возвращаясь со Сретенки:

— Хорошо они живут! Всего много! Сухари... Конфеты...

Колбаса...

Я, осторожно:

— Может, поедешь туда жить?

Галя, спокойно:

— Ни в коем случае.

18 декабря 46.

Шура любит спрашивать: «Сашенька, у тебя что-нибудь болит?»

На этот вопрос Саша имеет в запасе сотни разнообразнейших ответов. К примеру:

Шура:

— У тебя болит что-нибудь, Сашенька?

Саша, подумав:

— Нет, ничего не болит. Кроме уха.

Шура (в ужасе):

— А ухо?!

Саша:

— А ухо тоже не болит.

В другой раз она ответила:

— Ничего не болит... Кроме сердца, конечно...

*

Галя рассуждает вслух:

— Мама, посмотри: я в той школе получала одни тройки и редко-редко четверки. А тут четверки и пятерки. Почему так? Мне приятно здесь учиться. Мне в этой школе учиться и труднее, и легче. Как ты думаешь, почему? Я думаю потому, что здесь лучше учат: всё успевают осесть в голове. А потом Евгения Карловна — это не то, что Ирина Николаевна. Евгения Карловна — очень хорошая. Ты знаешь, если кто из девочек заболел, она к ним домой ходит. Она обо всех так заботится, так огорчается, если кто заболел. Очень она мне нравится. Ты знаешь, у нее очень много улыбок. Когда девочки с ней прощаются, она каждой улыбается — на всех хватает, и еще остается.

*

Галя:

— Когда мне что-нибудь из еды не нравится, я вспоминаю про Ташкент, и у меня тогда всё проскакивает, всё кажется хорошим.

*

Саша, услышав фразу «Погибла моя очередь», произносит: «Не говорите о смерти!»

23 декабря 46.

— Саша, у тебя болит что-нибудь?

— Сердце, живот и два бока.

*

Саша очень часто говорит о смерти, и это просто страшно. Как-то вечером, ложась спать, она плакала и приговаривала: «Зачем люди умирают? Живут, живут, а потом умирают. Вот Гуля Королева [1] умерла, Зоя [Космодемьянская. — А. Р.] умерла, Галин папа Шура умер. Мне жалко. Мне всех людей жалко, и чужих жалко — зачем они умирают?»

*

Саша:

— Мама, как бабы-ягино отчество и фамилия?

*

— Мама, а почему ты не пошла на фронт?

— Потому что ты была маленькая!

— Тебе было жалко меня оставлять?

— Да.

— Но ведь были папа Шура и бабушка Оля?

— Но ведь тебя надо было кормить молоком, а оно было только у меня.

— Но ведь Ольга Львовна тоже женщина, у нее тоже есть грудь, почему же она меня не могла кормить молоком? Я думаю, что ты могла пойти на фронт. Немцев надо было всех убить. А ты ведь видишь, что их много живых осталось. *[Всегда в таких случаях Ф. А. объясняла девочкам либо про разницу между немцами и фашистами, либо что «нет плохих народов, а есть только плохие люди» и т. п. (См., например, запись от 13 мая 1945 года в № 10 за прошлый год.) Но в дневничках свою реакцию нередко оставляла за кадром. — А. Р.]*

*

Сегодня я ворчала на Нюру [Няня. — А. Р.]. Саша слушала с внимательным и строгим выражением лица. И сказала:

— Мама, тетя Нюра не для того к нам приехала, чтобы ее ругали. Я даже слушать не хочу.

Было мне после этих слов неловко и совестно.

1 января 47.

К детям приходил дед-Мороз. Саше он подарил кукольную кроватку. Нюра сшила перинку, подушки, простыню и одеяльце.

Галя пожалована фарфоровая кукла ростом в 50 см в пестром шелковом платье. В чулки были положены конфеты и мандаринка. Проснувшись поутру, Саша была подавлена всем увиденным. Галя отнеслась к подаркам более трезво, но тоже очень радовалась.

Сегодня девочки ходили на елку к Вове. Принесли мне от туда яблоки, мандаринку и грецких орехов — мне приятно, что девочки про меня не забыли. Галя всегда делится со мной всем, чем бы ее ни угостили. Саша — только тогда, когда ей кто-нибудь напомнит. Но если Шура ее угощает, она всегда спрашивает:

— А маме?

*

Пожелания учительнице:

«Дорогая Евгения Карловна! Поздравляю Вас с Новым и счастливым годом! Желаю Вам долго и счастливо жить и работать. Дорогая Евгения Карловна, я учусь уже в 3-й школе, а такой как Вы учительницы не встречала! Еще раз желаю Вам долгой и счастливой жизни».

*

Сейчас Галя проснулась и стала полусонным голосом излагать, что было у Вовы на елке:

— Понимаешь, Вова нарядился дедом-морозом, пришел с бородой, с палкой и стал держать речь — о чем бы ты думала?! О том, как надо слушаться старших, не противоречить им, помогать! Одна тетя даже спросила его: «А сам-то ты, дедушка, выпол-

няешь всё это?» Он не ответил, конечно. А Саша вела себя так: только сели за стол, она хватать большой кусок сыра с тарелки, надкусила и бросила обратно! Я, конечно, выудила этот сыр и положила ей на тарелку и заставила съесть.

*

Способ разговаривать у Галя вырабатывается Шурином — раскинский. Она говорит: «Я сжала губы и с победоносным видом посмотрела вокруг». Употребляет причастные и деепричастные обороты, длинные периоды со всякими там «который», «не смотря на то...» и пр.

4 января 47.

На днях Галя сказала:

— Знаешь, мама, я все-таки не верю в то, что папу убили. Я когда иду по улице, то вглядываюсь в лица встречаемых военных — думаю, вдруг он?

*

Няня Нюра читает «Ад» Данте. Со страхом спрашивает меня:

— Фрида Абрамовна, это все правда, что здесь написано?

*

Я говорю Саше:

— Если папа спросит, где я, скажи: пошла погулять.

Саша:

— А на *самом* деле?

6 января 47.

Саша читает книги с карандашом в руках и исправно ставит две точки в словах «елка», «еще». А в словах «его», «никого» — меняет «г» на «в»:

— Это ошибка в книге, — говорит она. — Надо писать «ево», а не «его», что такое «его» — это неправильно!

*

На елке вела себя препрехабно. Пыталась отколотить каждого, кто прежде ее отгадывал загадку. Вопила: «Не хочу картошки, хочу мяса!» и без спроса брала себе из вазы мандарины.

15 января 47.

Шура заподозрил Сашу в том, что она откусила кусочек от его конфеты.

— Я не кусала! — кричала Саша, пылая благородным негодованием. — Я не кусала! Разве я могу так ровно откусить? Если б я говорила неправду, я покраснела бы! А я не покраснела! И я не могла бы так ровно откусить! И я бы покраснела! А я не покраснела!

*

На днях, отпуская ее гулять с Соней Ф., я говорила Саше:

— Только, пожалуйста, ничего не клянчи у тети Сони. Дай слово, что не будешь ничего просить.

— Даю честное слово.

— И мандаринки не будешь просить?

— Не буду!

— И если увидишь воздушные шары — не будешь?

— Не буду.

Потом Соня рассказывала: идут они по улице, навстречу продавец с мандаринами. Саша отвернулась и произнесла: «Ну их к черту, эти мандарины!»

24 января 47.

Галя:

— Саша, кого ты любишь больше всех на свете?

Саша:

— Папы нет, поэтому можно сказать — маму! А ты кого?

— Маму и папу.

— Какого папу?

— Своего.

— Но ведь твой папа... не буду говорить, а ты ты заплачешь.

А моего папу Шуру, который тебе вместо папы, — ты любишь?

— Люблю.

Мама Фрида (слева), когда ей было 10 лет.

Вика Раскин со своей мамой (1947 г.).

2 февраля 47.

Был у Саши в гостях двоюродный брат Вика (2 года 9 месяцев). Она хватала его за руки, за ноги, за голову, словно хотела убедиться — настоящий ли он. Смотрела на него внимательно, с любопытством, заявила, между прочим, что у него «не мужчинское имя». Потом вдруг спросила:

— А как выходят замуж?

На что Вика исчерпывающе ответил:

— Далеко...

3 февраля 47.

Саша:

— Мама, Галя моему папе ведь падчерица, а почему же он ее любит?

(Это всё народные русские сказки!)

*

Саша мается:

— Ну как же выходят замуж? Вика говорит, что далеко. Но как, как? Галя, скажи, как выходят замуж?

Галя (неохотно отрываясь от книги):

— Замуж? Очень просто. Встретятся, полюбят друг друга, поцелуются, на радостях попируют, вина попьют. Вот и получается — вышли замуж.

4 февраля 47.

Шура, не без намека, прочел Саше такие стихи: «Красная рубашка, синие штаны, никому плохие дети не нужны».

Уязвленная, Саша придумала в ответ:

Синяя рубаха,

Карые (*произношение няни Нюры*) штаны,

Никому плохие

Мужчинцы не нужны.

Жарким шепотом говорила мне на ухо: «Как ты думаешь, папа догадается, что это — про него?»

*

Галя часто говорит о том, что будет писательницей. (Я говорила то же самое, когда мне было 9 лет.) На днях я нашла листок, на котором сверху было крупно выведено: «Пожар!» Насколько я могу судить, задумано, так сказать, большое полотно.

«Как-то летом стояла засуха, везде валялся (волялся) сухой мусор. У одного помещика (помещека) была хорошая усадьба. Сторожил ее сторож. И вот, в полночь, сторожу стало жутко и холодно. Он решил закурить. Сторож закурил папиросу и от нее упала искра. Но сторож ничего не видел. Он спал. Вдруг забили в колокол. Это запоздалый прохожий увидел пожар. Сбежалась молодежь (без мягкого знака). Подоспела скорая помощь, сторожа увезли...»

На этом рукопись обрывается.

*

Когда кто-нибудь приходит в гости, обе девочки словно с цепи срываются: орут, пристают, жалуются друг на друга: «Мама, Галя палец сосет!», «Мама, Саша ябедничает!», «Мама, Галя меня обзывает!», «Она сама меня обзывает!»

Отлупить их не могу — совестно перед гостем.

Попрошу тихим голосом — умолкнут на минуту, и снова.

Сейчас, вечером, когда Саша уже улеглась, я долго беседовала с Галей по всем этим поводам. Она смотрит довольно-таки недоумевающим взглядом и, кажется, искренно ничего не понимает.

10 февраля 47.

В квартире одна девушка по имени Мила избивала свою старую тетку. Было много суматохи, звонили в милицию — Анисья Ивановна сидела у нас и плакала. Сегодня утром Саша проснулась, по обыкновению пришла ко мне, полежала немного, а потом задумчиво сказала:

— Мила — фашист!

Очень правильно.

*

Шура принес детям калейдоскоп. Первое, о чем спросила Саша, рассмотрев игрушку: «А как это можно испортить?»

У пушкиниста И. Л. Фейнберга Саша спросила (видя его благожелательное к ней отношение):

— Я вам нравлюсь, что ли?

Спросила без тени кокетства, очень просто и, видимо, с одной целью: установить истину.

*

Саша:

— Мама, ты не сердись, я хочу тебя спросить: чего ты выпучила глаза?

19 февраля 47.

Саша:

— Пирожные — это дети торга.

Она же:

— Папа, братья у всех бывают или только у хороших людей?

Читает уже довольно бегло.

*

Саша:

— Мама, подойди, я скажу тебе по секрету: я непременно буду волшебницей. И пусть папа не беспокоится, я сделаю так, что он снова станет хорошо видеть. Только ты пока ему ничего не говори.

22 февраля 47.

Уже неделя, как у Саши болит ушко. Извелась, плачет, плохо спит.

Шура прочел ей сказку об Оле-Лукойе. Теперь все мысли, все вопросы — о нем.

Саша:

— Мама, мне сегодня снился странный сон. Я лежу, лежу и вдруг мне снится, что вокруг земли — какой-то золотой песочек и все, даже маленький ребенок, а не только Оле-Лукойе, может так наколдовать, чтоб его можно было есть. И меня одна старушка угостила этой землей. И она была вкусная, как яблоко.

*

Саша:

— Мама, папа принес мне яблоко, и я хочу дать тебе половину: я же не какой-нибудь немец, чтоб ни с кем не делиться!

23 февраля 47.

Галя, возвратившись из школы, еще с порога:

— Мама, какое у тебя настроение? Если плохое, то станет хорошее. Была городская контрольная по арифметике, и я получила 5. Нам эти тетради не выдают, но я сказала Евгении Карловне: «Знаете, какое бы ни было у мамы хорошее настроение, если я приношу двойку, или тройку, у нее становится плохое настроение. Какое бы у нее ни было плохое настроение, если я приношу пятерку, у нее становится хорошее настроение. Поэтому мне очень хочется показать ей тетрадку. Конечно, она мне и так верит, но ей будет приятно посмотреть». И Евгения Карловна сказала: «Правильно!» и дала мне тетрадку. Вот, можешь посмотреть!

24 февраля 47.

Когда я болела, Саша подходила к телефону, давала справки о моем здоровье, а потом, повесив трубку, говорила: «Тебе велели кланяться!» и кланялась низко-низко, почти до самого полу.

Саша — мастер телефонного разговора. На все вопросы отвечает исчерпывающе. К примеру: «Папа пошел в “Новый мир”, мама купает старшего ребенка, а с вами говорит младшая дочь Саша».

Или: «Папа в “Литературной газете”, мама ушла в редакцию, Галя читает книгу, а тетя Нюра ставит пироги».

Поэтому, когда Шура позже снова звонили из Мосфильма, то прежде всего спросили: «Как пироги?»

*

Саша:

— Мама, у зверей, у животных тоже 5 пальцев? А у фашистов неужели же, как у людей, — 5 пальцев?

Интересно, как она представляет себе фашистов?! Вроде Бармалея, вероятно.

25 февраля 47.

Галя гуляла — на Патриарших прудах, каталась на санках и подвернула себе ногу. Услышав, что это помешает ей завтра пойти в школу, отчаянно расплакалась. Шуру это безмерно удивило: он считает, что мечта каждого нормального ребенка не ходить в школу.

Вчера Саше было очень плохо. У нее болело ухо, она плакала. И, между прочим, жаловалась на то, что у Гали есть своя колыбельная, а у нее, у Саши — нет [А. И. Кулаковский, *Галин папа, сочинял для нее песенки, в частности, колыбельную, где припев был: «Ты каковская? Кулаковская. Значит, спи»*. — А. Р.]. Несчастный Шура, который готов был на всё, чтобы утешить ее, тут же сел за письменный стол и немедленно накатал песню (на мотив Моцартовской «Колыбельной»), где есть такие строки:

Галя свой палец сосет,

Мамочке спать не дает.

Саша, скорей засыпай.

Сашенька, детка, бай-бай.

Галя немедленно парировала удар, сочинив такие строки:

Шура ночами не спит.

За Сашей с тревогой следит,

Как тихо она засыпает,

Как она плавно вздыхает.

Это довольно точно: Шура ложится не раньше четырех утра, так как считает необходимым наблюдать за тем, как... спит Саша.

Саша тоже вступилась за Галю, переделав две строчки на другой лад:

Галя палец не сосет,

Маме спать она дает.

*

— Галя, почему у тебя лицо и руки в чернилах?

— Это я думала над задачей.

*

Страстно мечтает о том, чтобы ее приняли в пионерки.

26 февраля 47.

Утром у Гали отчаянно разболелась нога, она плакала, стояла, жаловалась. Был врач, сказал, что вернется через несколько часов и поставит гипс.

Очень не везет: уши, ноги.

27 февраля 47.

Вчерашний день был ужасен: Галя мучилась с утра до вечера. В 5 ей поставили гипс, но боль не прекратилась. Бедняга пыталась уснуть, начинала сосать свой излюбленный палец, но и он не помогал. Часам к десяти вечера вызвали неотложку. Оказалось, что гипс был наложен слишком туго и чересчур высоко. Перебинтовали, положили пузырь со льдом, и Галя мгновенно уснула, блаженно повторяя: «Умный старый доктор!»

А доктор действительно был старый-старый, лысый, полуслепой и глухой. Но дело свое сделал ловко, быстро, все время приговаривая: «Не кричи, не кричи, помни, что удел женщины страдать и терпеть, а ты маленькая женщина... не кричи, говорю...»

Всё ваши спорты... или как их там... физкультуры... Гм... врачи... гипса наложить не сумели... Ну, о школе, голубчик, пока забудь... Как? Хочешь в школу? Гм... А мы из гимназии бегали... да, бегали... Скажите, пожалуйста, в школу хочет!..»

Фамилия умного старого доктора — Боголюбов.

*

На днях я сказала:

— Самое большое удовольствие в жизни — спать.

Галя со мной спорила:

— Нет, самое большое удовольствие в жизни — учиться... и получать пятерки...

*

Про Шуру в андерсеновской сказке «Аисты» я нашла очень точные слова: «Неподалеку от гнезда, вытянувшись в струнку и поджав под себя одну ногу, стоял сам аист-отец; *ногу он поджимал, чтобы не стоять на часах слишком уж с большим комфортом*».

*

У Гали нашли кривой перелом малой берцовой кости.

3 марта 47.

Саша:

— Мама, если Золушка так уставала от работы, то почему она не уезжала в отпуск?

*

Вчера приходил профессор и установил, что Саша здорова. Проверяя Сашин слух, он шепотом говорил ей: 18... 21...

Саша смущенно улыбалась и молчала, видимо, боясь ошибиться. Тогда умный папа Шура посоветовал доктору:

— Скажите что-нибудь вкусное...

— Яблоко, — прошептал профессор.

— Ой, яблоко! — воскликнула Саша.

Профессор:

— Конфетка.

Саша, с нежностью в голосе:

— Конфетка!

Исправно повторила: «ветчина», «селедка» и прочее.

Не ожидая от профессора ничего доброго, Саша сказала при встрече с ним:

— Мне сразу вся жизнь надоела!

6 марта 47.

Саша:

— Мама, а на улице бывает душно?

— Бывает, летом, когда очень жарко.

— А как же тогда проветривают? Улицу как проветривают?

23 марта 47.

Стенографически зафиксированный диалог папы Абы с папой Шурой:

Папа Аба:

— Как здоровье Сашеньки?

Папа Шура, взволнованно, с тревогой:

— Она два раза чихнула!

Папа Аба, философически:

— Что ж, скажите ей: «На здоровье!»

*

Саша:

— Вот мне будет семь — и я пойду в школу... Вот мне 18 — и я уже студентка... Вот мне 20 — и замуж пора!

*

— Мама, я в чернила не лезла, а руки у меня синие — что за чудеса!!!

— Мама, зачем только на свете есть врачи, и зачем только люди болеют?!

— Мама, вот этот писатель Евгений Чарушин, который написал «Волчишко», — он живой?

— Живой.

— И счастливый?

— Счастливый, наверное.

— Вот хорошо!

(Саша долго горевала, узнав, что Пушкин, Ершов, Ушинский — умерли.)

**Саша
и Петруша
Прокопов.
16 мая
1947 г.**

28 марта 47.

Саша была совершенно подавлена, узнав, что Буш, написавший такую веселую историю про Плиха и Плюха — немец. Долго не могла примириться с этим обстоятельством.

Сегодня же она спросила:

— Мама, «Ганс» — это ведь немецкое имя?

— Немецкое!

Саша, испуганно:

— А как же тогда Ганс Христиан Андерсен?

Видно, отдать немцам Андерсена и Оле-Лукойе она была просто не в состоянии.

31 марта 47.

Саша:

— Мама, младших сыновей, видно, всегда зовут Иванами. И только очень редко Емелями...

5 апреля 47.

Саша:

— Мама, я слышала, как ты раз сказала, что с детьми жить тяжело. Мне это было неприятно слышать.

(В голосе — упрек.)

7 апреля 47.

Саша распевает странную песню, уверяет, будто сама сочинила ее:

Пошли в домоуправленье,
Нужна заявленья!
Выпили водки,
Соскочили с лодки!

18 апреля 47.

Прочитав у Андерсена, что сын жабы говорит: «Коакс-коакс-брекекекекс», Саша спросила: «Это — по-жабски?»

19 апреля 47.

Саша:

— Папа, почему снег белый?

Шура:

— Потому что Я так хочу.

27 апреля 47.

Саша:

— Мама, вор, немец, разбойник — это одно и то же?

28 апреля 47.

Галя вступила в пионеры. Уже за несколько дней до этого весь дом до Шуры включительно был охвачен безумием: белая кофта! Синяя юбка! Обязательно две косы! Белые ленты!

Легко сказать — две косы, если и одну-то трудно устроить при таком количестве волос. Однако сделали. И кофту сообразили, и юбку. Кроме того, Галя заявила, что все мамы должны написать для вступающих в пионеры характеристики. При этом одна мама была поймана на жульничестве: она написала, будто ее дочка Рита — образец всех добродетелей: послушна, опрятна, правдива, вежлива и т. д. Оказалось, что все это не так. И просто даже — всё наоборот. Всё это Галя рассказывала с волнением и удивлением, потому как хорошо понимала, что я характеристику, полную вымышленных достоинств, не напишу ни при каких обстоятельствах.

Галя взволнованно шагала по комнате, пока я сочиняла такую характеристику:

«У Гали есть много хороших черт в характере. Она очень правдива: я верю каждому ее слову и знаю, что она никогда не обманывает.

Галя отзывчива и добра и всегда поделится всем, что у нее есть.

Галя любит книгу, много читает. Она честно относится к своим обязанностям. За три года ни разу не опоздала в школу и даже во время своей болезни не переставала заниматься.

Однако у Гали много недостатков — и очень серьезных. Она бывает резка и даже груба со взрослыми. На днях она так небрежно, так грубо говорила со своей бабушкой, что я не могу без стыда вспомнить об этом.

Потом, и, по-моему, это тоже очень серьезный недостаток: у Гали нет силы воли, нет твердости в характере, она не умеет преодолевать препятствия. Если ей что-нибудь не удастся, она огорчается, сердится и бросает начатое дело».

Галя прочла и молча положила в конверт.

Вернувшись из школы, была очень счастливая. Не сняв пальто, схватила свой форменный передник, отпоролла звездочку и прикрепила пионерский значок.

10 мая 47.

На днях к нам пришел папа Аба. Он был очень усталый, прилег на диван и уснул. Саша посидела около него, а потом вдруг вскочила, побежала к своему столику, схватила флажок, ленту, вернулась к папе и стала тихонько помахать флажком около его лица. Потом лентой, потом снова флажком.

Я спросила:

— Зачем ты это делаешь?

Она ответила:

— Я показываю ему сны.

*

Саша:

— Мама, муха какая счастливая... Она летать может... А мы нет...

Саша:

— Мама, от петуха, так же, как и от козла, пользы нет никакой? В день рождения Сашу повели на Никитский бульвар снимать: там уже ждала Соня Лаписова [2] с Петрушей и фотоаппаратом.

22 мая 47.

Я прихожу домой замученная и голодная.

— Хочу есть! — говорю я.

— Тетя Анися! — вопит Саша. — Мама хочет есть, дайте ей обедать!

— Вот ты и дай, — отвечает Анисья Матвеевна. — Ты дочка.

— А вы — помогательница! — возражает Саша, которой, к счастью, еще неизвестны дурацкие слова «домработница», «прислуга». [Как мы видим, няню Нюру сменила Анисья Матвеевна. Домашние работницы менялись часто. Обычно это были женщины, бежавшие из колхозов от голода. Устроившись и оглядевшись, они, бывало, находили работу, где давали общежитие, или — очень частый случай у нас — выходили замуж. — А. Р.]

*

Саша пробует слова на вкус:

— Снегирь... — шепчет она. — Снегирь... А детки его — снегирьки, снегирятки, снегурки... Дочка снегиря — снегурка... Снегурочка...

23 мая 47.

— Саша, папа работает — не бегай!

— Саша, папа работает — не стучи!

— Оставь мяч! Папа работает!

— Папа работает — не топай!

Саша, робко:

— А дышать мне можно?

*

Саша:

— Мама, милая, как я тебя люблю, как обожаю... Какая ты моя радость... Я так тебя люблю, что и рассказать нельзя... Я тебя очень, очень-очень-очень-очень-очень обожаю-обожаю-обожаю! Обожаю!

И замолкает, пораженная, понимая, что слова они, в сущности, бессильны и сколько ни произноси, ничего ими не выразишь.

11 июня мы переехали на дачу.

*

Саша:

— Мама, смотри, какую Галя устроила сегодня *обманю*: вышла за калитку и кричит: «Мама приехала!» Я побежала, а тебя нет, а Галя стала дразниться: «Оглядка, соленая пятка!»

*

— Мама, Галя всё дразнится... Я всё думаю — как бы мне ей ответить? Я буду кричать: «Галка-палка-кишка — никому не нужна!»

*

Саша:

— Мама, дорогая, я тебя никогда не покину!

Говорит это почти со слезами. Что она имеет в виду — для меня темно.

18 июня 47.

Возвратилась домой поздно, нашла Сашу уже в кровати.

— Мама, присядь ко мне, я тебя поцелую. Ты Галю уже видела?

— Да.

— Она тебя поцеловала?

— Нет.

— А обняла?

— Нет.

— Вот видишь.

Пауза — и потом:

— Мама, кого ты больше любишь — меня или Галю?

— Одинаково.

Саша, уныло:

— Мама, ну люби меня больше, хотя бы вот на сто-о-о-лечко!

*

Галя занимается английским. Иногда силится обращаться ко мне по-английски.

На днях Галя встретила меня и по дороге с возмущением рассказывала:

— Знаешь, я решила со Славой не водиться. Ты подумай, какой он. Я ему говорю, что дружу с Шуриком, а он презрительно спрашивает: «Это сын молочницы?» — Я говорю: «Да!» А он насмешливо засвистел. По-моему, это гадость.

— Может, он не насмешливо засвистел, а просто так? — робко говорю я.

— Нет, я уж знаю, как он свистел. По-моему, это просто отвратительно.

12 июля 47.

Саша сидела рядом со мной и долго рассказывала мне, какой Сева плохой. И потом, без всякого перехода:

— Ну, я пойду к Севе.

Я очень удивилась:

— Зачем же ты к нему идешь, если он такой плохой?

Саша ответила:

— Не могу же я без дружбы сидеть всю жизнь? Я без дружбы не могу даже четыре часа!

(Продолжение следует)

[1] Героиня книги Е.Ильиной «Четвертая высота».

[2] Сослуживица Ф. А. по «Комсомольской правде», жена художника Бориса Пророкова, Петруша — их сын.